

ПРАВотВОРЧЕСКИЕ ОШИБКИ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ИХ УСТРАНЕНИЯ

© 2010 г. Л.А. Морозова¹

Понятие и правовая природа правотворческих ошибок

Проблема правотворческих ошибок как в общетеоретическом плане, так и на уровне отраслевых юридических наук интересует многих временных ученых. При этом предпринимаются попытки выяснить, что представляют собой правотворческие и вообще юридические ошибки, как они возникают, каковы их существенные признаки, как бороться с правотворческими и иными юридически значимыми ошибками.

Надо отметить, что в отечественной юриспруденции проблема познания юридических ошибок, в том числе их отдельных видов, составляет самостоятельное направление научного поиска, еретиков права этими вопросами активно занимаются проф. В.М. Баранов, проф. Н.Н. Вопленко, проф. В.Н. Карташов, проф. А.Б. Лисюткин, проф. С.В. Поленина, проф. В.М. Сырых, а также ряд молодых ученых, посвятивших свои диссертационные исследования различным аспектам данной проблемы.

Тем не менее, до настоящего времени отсутствует детально разработанная общетеоретическая концепция юридических ошибок.

В толковых словарях русского языка раскрывается общеупотребительное значение термина "ошибка" - это неправильность, погрешность, промах, неумышленный поступок, невольное искажение чего-либо².

Соответственно, в современной литературе юридическая ошибка чаще всего трактуется как негативный результат, обусловленный непреднамеренным деянием (добросовестным заблуждением) субъектов юридической деятельности³. Но есть и другие определения понятия юридической ошибки. Так, проф. В.Н. Карташов полагает, что юридическая ошибка должна рассматриваться не как негативный результат, а как сама ошибочная юридическая деятельность⁴.

Отдельные ученые объединяют обе позиции и считают обоснованным понимать под юридической ошибкой и процесс, и результат неправильных действий субъекта юридической деятельности.

Первая из названных позиций получила в настоящее время наибольшее признание среди теоретиков государства и права. Исходя из этого, правотворческая ошибка трактуется как негативный результат субъектов правотворческой деятельности. Можно, как представляется, выделить следующие признаки (свойства) правотворческих ошибок.

Во-первых, непреднамеренность ошибки. Субъект правотворческой деятельности, допустивший ошибку, исходил из предположения правильности своих действий, т.е. ошибка возникла в результате добросовестного заблуждения. При этом отсутствовали намерение, умысел для совершения ошибки, пренебрежение своими обязанностями со стороны субъекта правотворчества.

По признаку непреднамеренности возможно отграничить правотворческую ошибку от правонарушения. Ошибка исключает виновность, так как возникла случайно, без предварительного сознательного намерения, в то время как правонарушение - всегда осознанный акт действия. Для констатации правонарушения необходимо установить его юридический состав.

Во-вторых, поскольку отсутствует вина при совершении правотворческой ошибки, то субъект, допустивший ее, не может нести юридической ответственности. Совершение же правонарушения в обязательном порядке влечет или должно повлечь юридическую ответственность. Допущенная правотворческая ошибка предполагает право требовать исправления нормативного правового акта, содержащего ошибку, и юридическую обязанность соответствующего субъекта устранить ошибку

В-третьих, правотворческая ошибка всегда вызывает негативный результат: препятствует реализации прав, свобод личности, охраняемых законом интересов, ухудшает положение субъектов и т.д. Поэтому вполне закономерно, что Конституционный Суд РФ в Постановлении от 3 февраля 1998 г. по делу о проверке конституционности ст. 180, 181, п. 3 ч.1 ст. 187, 192 Арбитражного процессуального кодекса РФ относит юридическую ошибку ко вновь открывшимся обстоятельствам.

В-четвертых, субъектом правотворческой ошибки может быть лишь орган или должностное

лицо, за которым государством закреплено право на правотворчество или которому делегировано это право (органы местного самоуправления, субъекты локального правотворчества).

В-пятых, правотворческая ошибка должна быть официально признана, и для ее исправления устанавливается определенная процедура.

Названные отличительные признаки правотворческой ошибки не получили всеобщего признания в отечественной юридической науке и сформулированы в порядке постановки проблемы. Это представляется важным, так как в ряде юридических вузов данная тематика включена в учебный курс "Теория государства и права" (например, в Московской государственной юридической академии, в Российской академии правосудия) или в спецкурс "Юридическая техника".

Юридические ошибки, допущенные в процессе правотворчества, ведут не только к ущербу действующих нормативных правовых актов, снижают их качество, вызывают дефекты правового регулирования, но и влекут конфликтность в правоприменительной деятельности, способны снизить эффективность процесса правореализации. Следовательно, необходимо своевременно, активно и наиболее полно выявлять и устранять правотворческие ошибки.

Важную роль в этой работе играют процессуальные средства, которые:

- определяют условия для выявления и устранения правотворческих ошибок;
- придают правовую форму указанной деятельности, вводят ее в определенные рамки;
- позволяют использовать различные процедуры - судебную, административную,

управленческую и т.д. для достижения юридического результата. Сказанное позволяет заключить, что устранение правотворческих ошибок невозможно вне процессуальной формы. Иначе неизбежны отсутствие последовательности в решении проблемы ошибок, бесконтрольность и произвол, хаос, снижение уровня публичного управления в сфере общественных интересов.

Процессуально оформленные средства устранения правотворческих ошибок позволяют обеспечить гибкость, оперативность, простоту механизма осуществления данного вида деятельности, определить стратегию ее развития, хотя процессуальная форма всегда была и остается служебным, вспомогательным инструментом юридической практики, который, тем не менее, не остается застывшим, неизменным, статичным. Напротив, процессуальная форма способна меняться, развиваться, приспосабливаясь к потребностям конкретного исторического этапа.

Многие исследователи подразделяют правотворческие ошибки на две категории:

1) ошибки, которые могут быть устранены самим правотворческим органом в процессе своей деятельности (кстати, некоторые ученые полагают, что такого рода ошибки, которые могут быть выявлены и выявляются в самом правотворческом процессе, нельзя признать правотворческими ошибками в точном смысле этого слова);

2) ошибки, которые выявляются после вступления нормативного правового акта в юридическую силу; эти ошибки препятствуют правильному применению акта на практике и способствуют возникновению правоприменительных ошибок⁵.

По мнению проф. СВ. Полениной, "особенность дефектов правотворчества состоит в том, что они не могут быть исправлены в процессе правоприменения. Их наличие неизбежно влечет за собой неэффективность закона, которая может быть усилена в результате ошибок"⁶. Отсюда следует, что законодательный акт после вступления его в действие приобретает новое юридическое значение: он становится **предметом реализации** и, следовательно, меняется юридическое значение ошибки в этом акте.

Формы и средства устранения правотворческих ошибок

Как известно, в современной юридической науке разработаны различные классификации правотворческих ошибок. Одна из них касается стадий правотворческой деятельности. С ней в целом можно согласиться, поскольку она придает наглядность процессу правотворчества, причинам и видам возникающих правотворческих ошибок. Вызывают возражения оценки правотворческих ошибок на той или иной стадии правотворческого процесса. Ряд исследователей относят такого рода ошибки к **техническим, процессуальным**, тем самым снижая значимость последствий, к которым способны привести правотворческие ошибки. Между тем среди правотворческих ошибок нередко встречаются ошибки содержательного характера, например неправильное определение объекта и предмета регулирования, неточное установление круга субъектов тех или иных правоотношений, неправильный выбор средств и методов правового регулирования, неопределенность мер защиты и ответственности и т.д. Последующее обнаружение (после принятия нормативного правового акта) содержательных ошибок означает дефектность акта в целом, поэтому важно предотвратить появление подобных «ошибок, спрогнозировать и в дальнейшем блокировать их действие. Неоценимую помощь в этом способно оказать такое процессуальное средство, как **правовая экспертиза** законопроекта или проекта другого нормативного правового акта.

В последнее время интерес юристов к данной теме активизировался. Предлагается, в частности, разработать общую концепцию экспертизы как процессуально-правового института и

экспертной деятельности, как необходимого технологического этапа правотворческого и правоприменительного процессов. Обращается также внимание на такие ценные качества экспертизы, как ее компетентность, профессионализм, обоснованность, научно-исследовательский и вместе с тем непосредственно-практический характер. Ряд исследователей отмечают инструментальное значение правовой экспертизы, которое проявляется в обеспечении результативного разрешения юридически значимых задач и достижении юридически значимых целей. Главное же назначение экспертизы проектов нормативных правовых актов, и особенно законопроектов, видится в том, что они служат средством предотвращения большинства правотворческих ошибок. Поэтому вносятся предложения наряду с юридической и лингвистической экспертизой, которые стали регулярными в предпроектной работе, проводить иные специализированные экспертизы: финансовую, экономическую, экологическую, криминологическую, антикоррупционную⁷.

Серьезного внимания заслуживает еще один вид экспертизы, которая возложена на Общественную палату Российской Федерации. В то же время в этом вопросе много неясностей, например о возможной ответственности экспертов, которые проводят такую экспертизу, об объектах общественной экспертизы. Некоторых специалистов настораживает тот факт, что в Федеральном Законе "Об Общественной палате Российской Федерации" от 4 апреля 2005 г. в качестве объекта общественной экспертизы не упомянуты нормативные правовые акты Президента РФ.

Обнаруженные в нормативном правовом акте правотворческие ошибки содержательного характера служат юридическим основанием для возбуждения процедуры по исправлению ошибок и внесению изменений в соответствующий акт. Как известно, в настоящее время возможно обращение в суд с заявлением об оспаривании нормативных правовых актов, и такого рода дела рассматриваются в порядке осуществления судебного нормоконтроля. Представляется, что применительно к правотворческим ошибкам содержательного характера при судебном рассмотрении дела необходимо указать, какие именно права нарушаются допущенными правотворческими ошибками.

В юридической литературе ссылаются на то, что действующие ГПК и АПК РФ не содержат процедуры рассмотрения дел по выявлению и исправлению правотворческих ошибок, и предлагается внести соответствующие дополнения в эти кодексы. Однако до внесения в процессуальные кодексы необходимых изменений представляется вполне обоснованным, опираясь на позицию проф. Н.А. Власенко о допустимости действующим гражданско-процессуальным законодательством аналогии закона и аналогии права⁸, применение по делам о преодолении правотворческой ошибки аналогии с правилами судопроизводства по разрешению дел, возникающих из публичных правоотношений. При этом надо иметь в виду, что сам суд не вправе вносить какие-либо изменения в нормативный правовой акт, но он обладает полномочиями в соответствии со ст. 253 ГПК РФ признать акт **недействующим** полностью или в определенной части. Такое судебное решение влечет утрату юридической силы данным актом. Правотворческий же орган обязан будет пересмотреть свой акт и либо его отменить, либо исправить ошибки, содержащиеся в нем, действуя по правилам правотворческого процесса.

Сложнее обстоит дело с арбитражным процессом, поскольку в АПК РФ не предусмотрены ни аналогия закона, ни аналогия права. Профессор Н.А. Власенко полагает, что дело здесь не в забывчивости законодателя, а в особом режиме арбитражного судопроизводства и в особенностях содержания споров, рассматриваемых арбитражными судами. Этому можно возразить таким доводом: по делам, возникающим из публичных правоотношений, речь идет не о разрешении спора, как в исковом производстве, а об осуществлении судебного контроля. Кроме того, задачи защиты интересов, прав и свобод лиц, занимающихся предпринимательством и иной экономической деятельностью, вполне допускают, чтобы акты с ошибками, нарушающими эти права, могли быть оспоренными в порядке судопроизводства по делам, возникающим из публичных правоотношений, в порядке ст. 29 АПК РФ.

Было бы целесообразно, чтобы все дела об исправлении содержательных ошибок рассматривались в судебном порядке, если правотворческий орган или должностное лицо, издавшие дефектный акт, отказываются внести в этот акт исправления.

Одним из эффективных процессуальных средств преодоления правотворческих ошибок служит **толкование**, в том числе судебное толкование. По мнению многих теоретиков права, интерпретационная деятельность связана "с раскрытием содержания и формы правовых явлений, устранением противоречий, неточностей и иных погрешностей в предписаниях, с установлением четкости и ясности в правовом регулировании"⁹. Известный дореволюционный ученый Н.С. Таганцев связывал необходимость толкования именно с несовершенством закона¹⁰.

В современной отечественной юридической науке превалирует мнение, что посредством толкования могут быть преодолены такие правотворческие недостатки, как нечеткость формулировок норм права, двусмысленность фраз, выражений, терминов, другие технико-юридические дефекты. Некоторые дефекты могут быть устранены на начальных этапах толкования или только помощи всей совокупности средств и приемов толкования, либо интерпретатор, исчерпав возможности,

констатирует, что посредством толкования правотворческие ошибки не могут быть преодолены. Дореволюционный юрист Е.Н. Трубецкой также исходил из того, что "истинное толкование... должно обращать внимание и исправлять редакционные ошибки, руководствуясь общим духом закона, той мыслью, которая при ее составлении имелась в виду законодателем"¹¹

В области устранения правотворческих ошибок ключевое значение придается **аутентическому толкованию**, т.е. изданию интерпретационного акта тем органом или должностным лицом, которые являются авторами данного акта.

Логично предположить, что автору ошибочного или дефектного акта в первую очередь должно принадлежать право самому исправлять свои ошибки. Однако отдельные дореволюционные отечественные юристы, например Н.М. Коркунов, и ученые советского периода (А.Я. Берченко, П.С. Элькинд) оценивали эти акты как замаскированное правотворчество и считали недопустимым использовать этот вид толкования. В наши дни такой позиции придерживается проф. Н.Н. Вопленко. Он пишет по этому поводу следуют; "Главное, очевидно, состоит в том, чтобы субъект, уполномоченный на правотворческую деятельность, не прибегал к аутентическому толкованию как средству **устранения и исправления своих ошибок** (выделено мной. - Л.М.), допущенных при установлении правовых норм"¹².

К сожалению, веских аргументов для данного утверждения автор не приводит, а лишь указывает, что "акты официального аутентического толкования есть форма и результат праворазъяснительной, а не скрытой правотворческой деятельности". Вряд ли такое положение может в чем-либо убедить сторонников противоположной точки зрения. Е.Н. Трубецкой высказывает следующую мысль: "Аутентическое же толкование есть просто новый закон: понятно, что толкование, исходящее от законодателя, имеет обязательную силу, совершенно одинаковую с толкуемым законом"¹³. Думается, что нет никаких оснований лишать правотворческий орган возможности использовать для устранения допущенных ошибок такое процессуальное средство, как аутентическое толкование.

В устранении правотворческих ошибок серьезную роль способны сыграть ведомственные толкования, даваемые министерствами, федеральными службами и агентствами в порядке методического руководства подчиненным им структурным подразделениям при осуществлении контрольных и надзорных функций, информационном обслуживании и т.д.

Таковыми полномочиями согласно Постановлению Правительства РФ от 30 июня 2004 г. наделено Министерство финансов РФ. Аналогичные полномочия в осуществлении ведомственного толкования принадлежат Федеральной налоговой службе РФ, Министерству внутренних дел РФ, Генеральной прокуратуре РФ. В литературе отмечается значительный пробел в изучении юридической природы данного вида деятельности.

В рассматриваемой сфере большую роль способны сыграть так называемое **правотворчество по принуждению**. К нему можно отнести не только признание конкретного акта неконституционным и обязанность его автора в течение установленного срока принять новый акт или внести изменения и дополнения в уже принятый, но и признание в порядке судебного нормоконтроля, о чем говорилось выше, нормативного правового акта недействующим. Следовательно, он подлежит отмене правотворческим органом или в этот акт должны быть внесены необходимые изменения.

К процессуальным формам и средствам преодоления правотворческих ошибок, безусловно, относятся преодоление пробелов и разрешение юридических коллизий, но эта проблема заслуживает специального рассмотрения.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

1. Разнообразие правотворческих ошибок предполагает различные формы и способы их устранения, которые должны быть определенным образом систематизированы и упорядочены.

2. Обнаружение, выявление правотворческих ошибок всегда вызывает своего рода конфликтную ситуацию, так как несмотря на непреднамеренный характер их возникновения, встаёт проблема их оспоримости, и именно это качество юридических ошибок вообще и правотворческих, в частности, позволяет требовать пересмотра нормативного правового акта, его обжалования, отмены или исправления.

3. Конструкция устранения правотворческих ошибок обладает процедурно-процессуальной природой, следовательно, относится к властно-принудительным формам разрешения ситуации.

Особенности данной процедуры обусловлены видами допущенных ошибок и степенью их влияния на запрограммированный субъектом правотворчества результат правового регулирования в каждом конкретном случае.

4. В механизме устранения правотворческих ошибок важное значение имеют юрисдикционные средства. Именно юрисдикция призвана профессионально, с учетом различных факторов разрешать возникшую конфликтную ситуацию и принимать обязательные для исполнения решения.

Здесь уместно привести высказывание проф. С.С. Алексеева, который писал в 1998 г.: "При тщательном, углубленном анализе принятых в России законов выясняется, что основные их огрехи касаются вовсе не вопросов юридической техники и даже не согласованности законов..., а отсутствия во многих из них основательной правовой культуры и, стало быть, учета данных высокой правовой культуры"¹⁴

К вопросу о доктринальных ошибках

К правотворческим ошибкам можно, как представляется, отнести и так называемые доктринальные ошибки, которые мало изучены юридической наукой, но значительны по своим последствиям.

Они имеют такую особенность, как тесная связь с политикой государства. Доктринальные ошибки не столь очевидны, как другие виды юридических ошибок, но они могут привести к деформации права. Негативные последствия доктринальных ошибок, по мнению ряда исследователей, наиболее масштабны. При этом доктринальные ошибки невозможно устранить средствами юридической техники именно в силу их политического характера.

К доктринальным ошибкам, на мой взгляд, можно отнести ошибочные концепции законопроектных, чему в настоящее время усиленное внимание уделяет проф. В.М. Баранов.

Такого рода ошибки могут вызвать, например, неправильное определение предмета правового регулирования, ошибочное установление круга адресатов данного правового акта, неточное определение целей правового регулирования или их приоритета.

Представляется возможным выделить следующие отличительные черты доктринальных ошибок:

- они являются следствием заблуждения разработчиков общей или конкретной доктрины относительно истинных свойств, теоретической и практической пользы проведения научных исследований, обобщений и выводов;
- имеют политический или идеологический характер;
- выступают как результат диалектического поиска истины в процессе познания государственно-правовой действительности, следовательно, это ошибки в мыслительном процессе;
- связаны с непреднамеренным введением в практику правообразования непробированных приемов, способов и методов правовой регламентации. В итоге возникает неправильная ориентация субъектов правотворчества и других видов юридической деятельности.

Доктринальные ошибки опасны еще и тем, что они могут вызвать содержательные противоречия между юридической концепцией политики государства и его стратегическими программами, неадекватную оценку социальных последствий внедрения в юридическую практику дефектных теоретических положений. На качество нормативного правового регулирования оказывают влияние и многие другие факторы.

Представляется бесспорным, что правотворчество как особый вид государственной деятельности обладает собственной организационно-правовой природой, собственными закономерностями и направлениями развития, конкретным потенциалом и социальной ценностью. Следует отметить многообразие субъектов правотворчества, их различный правовой статус, уникальность средств и инструментов, которыми они располагают, а также расширение сфер, которые подвергаются нормативной правовой регламентации со стороны государства. Данная деятельность базируется на комплексе основополагающих требований, принципов, правил, методик. Поэтому можно согласиться с обоснованными предложениями о необходимости создания федеративного закона, который регулировал бы **основы правотворческой деятельности в Российской Федерации** (закон о нормативных правовых актах).

Наши отечественные юристы давно выступают не только с предложением о принятии такого закона, но и разрабатывали его проекты. Однако до сих пор он так и не был принят. Между тем зарубежный опыт ряда стран, например Польши, Болгарии, Венгрии, а также правотворческая практика некоторых субъектов Российской Федерации, например Воронежской, Тюменской областей, Ставропольского края, Республики Саха (Якутия), позволяют сделать вывод о необходимости придать правотворчеству единую законодательную основу, подчинить ее общим концептуальным началам.

Это позволит всем участникам правотворческой деятельности осознать свою ответственность за развитие общества и государства и на высоком профессиональном уровне выполнять возложенные на них полномочия.

Вместе с тем представляется, что науке теории государства и права необходимо озаботиться проблемой углубленной, детальной разработки понятия правотворческой ошибки. Те исследования, которые имеются на сегодняшний день, не позволяют четко отграничивать правотворческую ошибку от правонарушения или от злоупотребления должностными лицами своими полномочиями, не дают достаточных оснований для различения правотворческой ошибки и погрешностей, небрежностей в правотворческой деятельности. Это важно по ряду причин, и, прежде всего, потому, что в последние годы нередко злоупотребления правотворческими полномочиями, принятие ряда законов и других нормативных правовых актов, не отвечающих интересам широких масс населения и общества в целом, тем не менее, квалифицируются в качестве правотворческих ошибок. Они, как уже отмечалось, характеризуются в общетеоретической литературе как случайность, как результат добросовестного заблуждения. Субъект, допустивший правотворческую ошибку, исходит из презумпции правильности своих действий¹⁵.

Отсюда следует вывод, что наличие правотворческой или иной юридической ошибки предполагает возможность ее исправления. Однако не возникает вопроса об ответственности лиц, допустивших правотворческие ошибки, поскольку это означало бы объективное вменение вины. Получается, что правотворческая ошибка не предполагает вины, а без вины невозможно вести речь о юридической ответственности. Тем самым общетеоретической наукой создается своего рода доктринальное оправдание для тех законодателей, которые пролоббировали в свое время явно антинародные законы (и продолжают это делать по сей день), но при этом не несут никакой ответственности за свою деятельность. Существует большой соблазн прикрыться правом каждого на ошибку, хотя доказать преднамеренность такой ошибки чрезвычайно трудно, более того - практически невозможно.

В российской печати активно обсуждается поправка одного из депутатов Государственной Думы в Закон "О средствах массовой информации" 1991 г. Эта поправка в случае ее принятия позволит чиновникам Госохранкультуры выносить предупреждение любой газете, заподозренной в публикации ложных сведений. Если же в течение года это будет не первое предупреждение, то через суд можно закрыть средство массовой информации. Данную поправку многие юристы и журналисты уже оценили как одиозную, как подкуп под свободу слова. В случае ее принятия (а депутаты одобрили ее в первом чтении) появляется возможность обвинения в клевете без доказательств этого факта в судебном порядке.

Возникает вопрос, можно ли квалифицировать данную поправку как правотворческую ошибку, т.е. добросовестное заблуждение ее автора и депутатского корпуса в целом, или это преднамеренное стремление ограничить отечественную прессу, набросить на нее "намордник" и тем самым ограничить принцип гласности.

Аналогичное положение складывается с рекомендациями Всемирного банка реформировать российскую пенсионную систему и внести в действующее законодательство России поправку о повышении планки пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и для женщин. Подобное нововведение позволит государству сэкономить на выплате пенсий, но ухудшит материальное положение населения, поскольку, по официальным статистическим данным, российские граждане живут значительно меньше, чем европейцы.

К сожалению, нынешнее состояние разработанности в нашей стране теории юридических ошибок не позволяет строго отграничивать ординарную юридическую ошибку (даже содержательного характера) от преднамеренного и, следовательно, виновного нарушения действующего законодательства.

Представляется необходимым установить связь между содержательной правотворческой ошибкой и юридической ответственностью того, кто ее допустил. Во всяком случае, обязательно должен возникнуть вопрос о профессионализме и пригодности к правотворческой работе конкретных субъектов, систематически допускающих такого рода ошибки. Это будет способствовать реализации на практике принципа неотвратимости ответственности во всех сферах правовой жизни.

¹Профессор Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, действительный член Международной академии наук высшей школы.

² См., например: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1981. С. 633.

³ См., например: *Лисюткин А.Б.* Юридическое значение категории "ошибка": теоретико-методологический аспект. Саратов, 2001.

⁴ См.: *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества. В 2-х т. Т. 1. Гл. 21. Ярославль, 2006.

⁵ См.: *Вопленко Н.Н.* Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983. Несмотря на то, что данная работа написана более четверти века назад, главные теоретические положения и обобщения автора актуальны и в наши дни.

⁶ Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. С.26.

⁷ См.: *Разуваев А.А.* Экспертиза как средство повышения эффективности процесса правореализации (Вопросы теории

- и практики). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С.19.
- ⁸ См.: *Власенко Н.А.* Об аналогии в современном процессуальном праве // *Росс, юстиция.* 2005. № 7.
- ⁹ *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества. В 2-х т. Т. 1. Ярославль, 2005. С. 352.
- ¹⁰ *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. Т. 1. М, 1994. С. 87.
- ¹¹ *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб., 1998. С. ПО.
- ¹² *Вопленко Н.Н.* Толкование права. Волгоград. 2007. С. 110.
- ¹³ *Трубецкой Е.Н.* Указ. соч. С. 111
- ¹⁴ *Алексеев С.С.* Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 207.
- ¹⁵ *Вопленко Н.Н.* Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983. С. 122-126; *Лисюткина А.Б.* Юридическое значение категории "ошибка": теоретико-методологический аспект. Саратов, 2001. С. 50, 82, 90 и др.

